

**Даниил Гранин:**  
**тайный код Д.С.**

ГРАНИН Д.А. – От нашей советской жизни XX века для меня уцелели два авторитета, два человека сердечной привязанности – Сахаров и Лихачев. Оба - великие граждане нашей страны.

Феномен Лихачева - интереснейшее явление нашей жизни, появился он в общественном сознании не по своей научной специальности текстолога, не в связи с работами о древней литературе Руси, да, это ему дало заслуженное звание академика, известность к нему пришла из телевидения. Он начал рассказывать о русской культуре, о ее художественной значимости. Его совесть историка не могла смириться с тем, что творилось в стране с памятниками культуры. Хамское пренебрежение к прошлому бросало ему вызов. Он не стал выступать с обращениями к властям, с протестами, с призывами к общественности, он нашел свой путь через телевидение - попробовал рассказать о своих учителях, о традициях русской культурной жизни, о своих родителях, семейном укладе, о школе, в которой учился. В сущности, он первый использовал экран в целях культуры, и экран создал ему популярность. Тихим голосом, без ораторских приемов он делился выношенными раздумьями о судьбе интеллигенции, вспоминал свою жизнь ссыльного в Соловках, какие интересные люди там его окружали. В 80-е-90-е годы, наше телевидение было другим, чем ныне. Выступления вскоре стали приносить ему неприятности, они неизбежно шли вразрез с партийной идеологией. Так было, когда он выступил против переименования старых городов и улиц, имевших исторические,

драгоценные топонимы. Произошел скандал, обком снял руководство Ленинградского телевидения и отличного руководителя Бориса Фирсова. Также было, когда решили обновить парк в Пушкине и вырубить старые липы. Лихачев взял их под защиту, написал аргументированную статью, и опять это сочли за вредный идеологический выпад. Так было и когда затеяли реконструкцию Невского проспекта. Он сумел доказать, что Невский проспект – не просто дома с разной архитектурной ценностью. Невский проходит через всю историю России, и кроме архитектурных ценностей, имеется еще не менее дорогая историческая память, связанная с историей культуры, с биографией домов, именно так следует рассматривать значимость и старых зданий, и старых лип – свидетелей прошлого Царского села. История сохраняется и живет не только в книгах.

К Лихачеву стали обращаться как к защитнику памятников культуры, писали, звонили из разных городов России. Он превратился в «Министерство защиты культуры».

Оказалось, что один человек, далеко не молодой, не имея никакого аппарата, может столь результативно заботиться о невзгодах нашей культуры. Лихачев – поучительный пример, как много может сделать одиночка в самых, казалось бы, тяжелых условиях, не имея никакой материальной и административной поддержки, да и при равнодушии общества, прежде всего в силу своей убежденности. Для него именно культура является первоосновой жизни, от культуры, доказывал Лихачев, зависит мораль общества, невозможно добиться успехов экономики в стране, пораженной тяжелой болезнью коррупции, казнокрадством. Там, где культура не имеет приоритетов, экономика буксует.

Лихачев определяет свою позицию, поддерживая власть и критикуя ее. Ему дорога была своя личная независимость. Любая партия мешает духовной свободе, и он не связывал себя членством в какой-либо партии, Это был его твердый принцип. Ему верили, потому что слово у него не расходилось с делом. Конечно, далеко не все ему удавалось. Даже, если нет надежды на успех, доказывал Лихачев, все равно надо обращаться, хлопотать либо протестовать, выполняя свой долг перед совестью. Надо, чтобы знали, что не все согласны, не все принимают, есть хоть один, кто не готов смириться с той или иной справедливостью. И он это сделал, хотя ему обходилось это порой весьма дорого. Его избили в подъезде его дома, ему подожгли квартиру, много лет он был не выездным, его не выпускали на научные конференции, на конгрессы. Все виды репрессий советского режима прошли через его биографию.

Пользуясь счастливой возможностью обращаться к учителям литературы и истории, я хочу подчеркнуть то, какое значение придавал Лихачев гуманитарному образованию, это оно воспитывает, оно побуждает к работе души и совести, воспитывают гуманитарные предметы, школа предназначена, прежде всего, для воспитания. Меня всегда восхищало в истории российской школы Пушкинский Лицей. Как там умудрились всего - навсегда за шесть лет воспитать из этих мальчиков образованных, воспитанных, свободно владеющих языками выдающихся деятелей России? Впрочем у советской школы были свои и немалые достижения. Русская литература давала хорошую возможность нравственных примеров и раздумий о том, как жить, как любить, что такое зло и добро, религия и смерть, счастье и несчастье, свой народ и чужие народы - мучительные вопросы, которые должны волновать молодые души.

Сила Лихачева была в том, что он умел подходить к литературе в контексте истории. Он видел литературного героя как исторического человека. Для него не столько бытие определяет сознание, сколько сознание определяет бытие. Именно у Лихачева я впервые столкнулся с открытым вызовом тому, чему меня обучали: «Нам очень повредила вульгарно понимаемая формула, - писал он,- что бытие определяет сознание. Во многих конкретных случаях именно сознание необходимости перемен влечет за собой перемены в бытие народа». Нам доказывали, что все зависит от условий материальной жизни, историю сводили к истории производства, из нее исключали роль царей, полководцев, рыцарей добра, злодеев. История становилась безлюдной. Немудрено, что душа Лихачева-историка восставала: «Человек, его личность - в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они гуманитарные. Однако одна из главных - историческая наука отпала от непосредственного изучения человека. История человека осталась без человека». И стало скучно. Технические знания не создают культурного человека. У них другая задача, но культура, искусство помогают человеку техники быстрее адаптироваться в мире быстро меняющегося производства. Гуманитарная составляющая - необходимое приобретение технического человека. Чиновники чуть что повторяют популистские соображения на тему: «Сначала надо накормить народ, обеспечить достойным жильем, потом займемся культурой». Но удастся ли решить эти задачи при том цинизме и преступности, какое есть в нынешнем обществе? Не знаю, как успешная экономика или доступность жилья могут исправить моральные вывихи. В русской истории, считал Лихачев, духовное начало всегда главенствовало, оно значило больше светски - государственное. Духовность, сознание -

то, чем занимаются учителя-гуманитарии. Это и культура отношения с родителями, со старшими, учтивость, любовь к книге, к музыке. Учитель может поднять нравственное состояние народа. Читая, я убеждался в том, что в истории русской жизни подобные падения бывали, и не раз. И Россия одолевала их с помощью религии, интеллигенции и школы.

«...Я имею не книжное, а самые непосредственные впечатления от русской истории: впечатления «на собственной коже». Для меня напрямую памятны Николай II, Александра Федоровна, наследники, великие княжны, дореволюционный Петербург - его мастеровые и его балерины, ..видения прячущихся в мороз в Ленинграде тридцать второго года по парадным крестьян с детьми (от голода – Д.Г.), ужасы блокады...»

Техника и экономика не могут быть самоцелью, - настаивал он, а вот культура сама по себе – цель развития и для отдельного человека, и для всей нации, и для страны, а вообще-то, и для человечества. Как знают любую страну? Прежде всего, по ее вкладу в мировую культуру. Кто представляет Россию для европейского человека? Чайковский, Шостакович, Толстой, Достоевский, Булгаков, Врубель, русские солисты- исполнители, балет. Так же как мы ценим Германию за Гете, Шиллера, за великих ее композиторов. Деятели культуры составляют золотой запас нации. Культура – это базис, все остальное скорее надстройка. Гуманитарное образование – прочный фундамент, на нем легче выстроить любую специальность. Базис создает полноту бытия человека. Лихачев приводит важную мысль искусствоведа, что такие школьные предметы, как рисование и музыка, прибавляют каждому окончившему школу возможность счастья. Конечно, наивно возлагать исправление нравственности на

искусство, также наивно считать, что успехи экономики возместят моральные потери. Человек не станет милосерднее или честнее от того, что получит отдельную квартиру. И в коммуналках живут добрые люди, и в особняках подлецы. Но все же Гамлет заставляет задуматься над своею жизнью скорее, чем новый холодильник. Наверное, прав Пушкин, когда видел смысл своей поэзии в том, что «...чувства добрые я лирой пробуждал/ что в мой жестокий век восславил я свободу/ и милость к падшим призывал». Чувства добрые можно ждать от музыки, от стихов скорее, чем от точных наук. Природа тоже источник добра и красоты. Об этом хорошо рассказал Лихачев в книге «Поэзия садов». Природа создает красоты, недоступные живописцам, Лихачев не случайно цитирует Чайковского: «В восторге от созерцания природы выше, чем от искусства, но талант художника помогает увидеть эту красоту». Лихачев понимал, что достойное жилье есть необходимость цивилизованного существования, он испытал на своей шкуре и голодуху, и нары, и барачную. Но и в этих условиях могла теплиться духовная жизнь или бездуховность. Культура не порционное блюдо, которое подается к празднику, она повседневная работа души, она создает интерес к жизни и делает жизнь прекраснее. Не пора ли рассматривать именно культуру с ее вечными ценностями, в гуманитарной науке как главное, а технику с ее научным прогрессом как средство. Ныне это средство агрессивно покушается на духовную жизнь человека, предлагая соблазнительную легкость Интернета, подменяя искусство шоу-бизнесом, телевидением, культурой без содержания. Потребление культуры через телевидение пассивно. Торжествует «фанера» вместо живого голоса, «фанера» в виде чтива,

секс вместо любви. Адаптированная классика, халтурные переводы - повсюду та же «фанера».

Его взгляды были радикальны. Он не боялся выступать против установившихся мнений. Так, он считал, что в России никогда не было особой миссии. Она всегда была европейской страной, и все это было навязано ей, не имея на то никаких исторических оснований. Для России не было проблемы запад-восток, скорее существует проблема север-юг. Подобные работы и выступления вызывали яростные нападки. К сожалению, цивилизованно и доказательно спорить мы не умеем, а тем более прислушиваться к доводам противника. О чем он мечтал, так это о том, чтобы Россия выступила инициатором «Декларации прав культуры». Культура беззащитна. Культура, произведения искусства, принадлежат всему миру, это не сугубо национальное достояние, и защищать и охранять их надо, имея правовую основу в виде «Декларации», принятой всеми странами.

Если сознание первично, то чем оно определяется? Лихачев убежден, что прежде всего совестью, тем внутренним качеством, которое вложено в нас, казалось бы, неизвестно зачем. Казалось бы, оно доставляет человеку только неудобство и даже страдание. Совесть, воспитание, то, что идет от семьи, от учителя, от любви и вечных высших заповедей. Идеи принимаются далеко не всеми. Они с трудом пробивают себе дорогу сквозь прежнюю нашу идеологию. Но пробивают, будят наше застойное сознание. И слава Богу!

У нас с культурой происходит примерно также, что с нефтью и газом. Великая культура России прежде всего идет на экспорт. Художники, музыканты, ученые уезжают, лучшие театры вынуждены гастролировать не по России, а за границей. С точки зрения обывателя судьба Лихачева – счастливая судьба. В конце концов он

был признан, обласкан, получил множество мантий в разных университетах и академиях мира, награды, лауреатства, лавровый венок славы прочно увенчал его жизнь. Но боюсь, что это был не только лавровый, но и терновый венок.

Его хвалили, но памятники продолжали гибнуть, сады вырубали, библиотеки закрывали. Музейные работники и библиотекари получали совершенно нищенские оклады, комплектование плохое, библиотеки отдают в ведение коммунальных служб. Печальное положение, а то и безобразное с кладбищами, Бог знает что твориться с малыми театрами. Коммерция, погоня за рейтингом превратили TV в шоу-бизнес, культура там Золушка.

Старания не оправдали себя. Победили холодный практицизм, циничный чиновник, беспрестанные школьные реформы. Растут пороки, сокращаются добродетели. Уже не возмущают несправедливо нажитые миллионы, вызывающая роскошь, разврат. Все идет на продажу.

Реальность нынешнего времени знаменует поражение Д.С.. Думаю, для него существовала другая мера собственной судьбы, скорее это слова Пастернака:

«Но поражение от победы  
Ты сам не должен отличать».

Он показал нам огромные возможности русской культуры, ее место в жизни народа, в жизни каждого человека, он расширил пространство нашей исторической культурной памяти.

Что ждет Д.С. на его посмертном жизненном пути, хватит ли у нас сил быть его попутчиками, добиваться хотя бы малых побед – в одной школе, в одном классе, в одном ребенке.